

АРКАДІЙ ДВЕРЧЕНКО

ПОДХОДЦЕВЪ
И ДВОЕ ДРУГИХЪ

Аркадий Аверченко

Подходцев и двое других

«Public Domain»

1917

Аверченко А. Т.

Подходцев и двое других / А. Т. Аверченко — «Public Domain»,
1917

© Аверченко А. Т., 1917

© Public Domain, 1917

Содержание

Введение	5
Часть I	6
Глава 1.	6
Глава 2.	8
Глава 3.	10
Глава 4.	13
Глава 5.	15
Глава 6.	19
Глава 7.	22
Глава 8.	23
Глава 9.	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Аркадий Аверченко

Подходцев и двое других

Введение

Если бы на поверхности земного шара оставались следы ото всех бродящих по земле человеков – какой бы гигантский запутанный клубок получился! Сколько миллиардов линий скрестились бы, и сколько разгадок разных историй нашел бы опытный следопыт в скрещении одного пути с другим и в отклонении одного пути от другого...

Бог с высоты видит все это, и если бы его Божественное Внимание могло быть занято только такой неприхотливой пищей – сколько бы занимательных, трагических и комических историй представилось Всевидящему Оку.

Мы все жалки и мелки перед лицом Бога... Ни одному из нас не удалось проникнуть в лабиринт запутанных путей человеческих, никто даже сотой части клубка не распутал; и только автору этих строк удалось проследить пути одной человеческой троицы, которая причудливо сошлась разными путями к одной и той же точке.

Сошлась, чтобы надолго не разойтись.

Вот их пути:

Часть I

Глава 1. Подходцев

Молодой широкоплечий блондин, с открытым веселым лицом и энергичными движениями, вышел из дома №7 по Новопроложенному переулку и, усевшись на извозчика, сказал:

– Вези меня на Дворянскую 5, да только, братец, поскорее.

Извозчик чмокнул губами, и лошадь затрусил.

– Ты не особенно хорошо едешь, извозчик, – иронически заметил седок.

– Еду себе и еду, – холодно возразил извозчик.

– Скажу тебе больше: ты едешь просто плохо.

– Н-о-о-о, ты, проклятая!

– Должен тебя огорчить извозчик, но ты едешь гнусно, отвратительно.

– Овес нынче дорог, барин.

– Не вижу никакой логической связи между ценой на овес и скоростью движения лошади.

– Чаво?

– Тово. Это все равно, как если бы я, доехавши до места назначения, отказался от уплаты причитающихся тебе денег под тем предлогом, что нынче калоши вздорожали на сто процентов.

– Лошадь не бежит, – угрюмым тоном промолвил извозчик.

– Тогда она не лошадь, – учтиво возразил седок.

– А что ж она?

– Не знаю. Я думаю, что тебе нужно было бы быть осмотрительнее при покупке лошади.

Ты ее когда купил?

– О позапрошлом годе.

– Покупая, ты требовал именно лошадь или тебе сорт имеющего быть всунутым в оглобли животного был безразличен?

– Чаво?

– Может быть, тебе по твоей неопытности подсунули вместо лошади крокодила?

Извозчик обиделся.

– Почему это? – надменно спросил он.

– Очень просто: что такое лошадь? Это – животное, которое бежит. Твое животное не бежит. Значит, оно – не лошадь.

– Четыре ноги имеет, – усмехнулся извозчик, – значит и лошадь.

– Стул тоже имеет четыре ноги, а, однако, не бежит.

– У ей голова есть, а у стула нету, – возразил извозчик, очевидно, серьезно заинтересованный этим принципиальным спором.

– Подумаешь, важность – голова. Вон и у тебя голова есть, а что толку?

На это извозчик ничего не нашелся ответить.

– Вон видишь, все нас перегоняют.

– Что ж, и мы кой-кого перегоним, – хвастливо усмехнулся извозчик и действительно перегнал лошадь, запряженную в щегольский экипаж и мирно дремавшую у чьего-то подъезда.

Голову седока осенила какая-то мысль. Он лукаво улыбнулся и предложил:

– Хочешь, сделаем так: за каждую лошадь, которую ты перегонишь, я плачу тебе пятак.

За каждую лошадь, которая перегонит тебя, я вычитаю с тебя пятак.

Это странное предложение произвело на извозчика ошеломляющее действие. Он в один момент вышел из состояния полудремоты, дико захохотал, привстал на козлах и, хлестнув по лошади, закричал:

– Идет! Считай, барин.

– Стой, стой! Только, брат, уговор: стоячие и противоположно едущие не считаются.

– Само собой! Будьте покойны. Эх, ты, милая-а-ая!..

Лошадь понеслась как стрела, а седок, откинувшись с довольным видом на спинку экипажа, принялся отсчитывать пятаки.

– Пять! Десять! Пятнадцать! Двадцать пять! Пять долой – нас экипаж один обогнал.

– Так то ж рысак!

– Это деталь! Опять двадцать пять, тридцать! Сорок...

Хитрый извозчик в один момент постиг своим светлым мужицким умом не только принципы этой азартной игры, но и ее выгоды. Поэтому он при первом удобном случае свернул с малолюдной улицы на проспект, где экипажей было в десять раз больше, и, не обращая внимания на сделанный крюк, развил такую скорость, что седок еле успевал считать:

– Рубль тридцать! Еще пять! Рубль сорок. Рубль сорок пять!

– Нет, рубль пятьдесят, – заспорил извозчик. – Сейчас обогнал пару.

– Да ведь она в одной запряжке, пара.

– Это все едино! Уговаривались за лошадь пятак, а тут на-кося двух обогнали!

– Однако и фрукт, брат, ты! Значит, за тройку ты сдерешь пятиалтынный?

– Само собой, три лошади, три пятака. Н-но!!

– Да не гони ты так, черт. Ты меня разорить можешь!

– Мой антирес! – весело заорал извозчик. – Н-но!!

– Извозчик...

– Ась?

– Имей в виду, если кого-нибудь раздавишь – по рублю с человека буду вычитывать.

– Ладно, будьте покойны. А если не раздавлю – вы мне рупь.

– Еще что выдумал! Этаким образом ты с меня и тысячу выколотишь.

– Хи-хи! Н-н-но!!

– Смотри, дурак, чуть на женщину не наехал.

– На женщину я никак не могу наехать, – солидно возразил извозчик и сейчас же подтвердил эти слова самым положительным образом: наехал на мужчину.

Раздались крики, оханья, кто-то смачно выругался, кто-то поднимал с земли испачканного в пыли и в прахе небольшого роста господина, отплевывавшегося розовой кровавой слюной.

– Черти! – орал доброволец из публики. – Прут на народ. Рази так ездют? Надо хорошо ездить, а не плохо ездить надо.

– Дать бы извозчику по морде, – посоветовал дворник.

Недовольный такой перспективой, извозчик подобрал в руки вожжи, с явным намерением ускакать от всей этой катавасии, но седок угадал это намерение, опустил могучую руку на его плечо и сказал спокойно, но твердо:

– Нет, брат, стой. Уезжать нельзя. Умели воровать, надо уметь и ответ держать! Может быть, его в больницу нужно свезти – как же мы уедем?..

Он легким юношеским прыжком соскочил с экипажа и подошел к пострадавшему, которого поддерживал под руку инициатор награждения извозчика оплеухой.

Глава 2. Громов

Пострадавший поднял на подошедшего ясные кроткие голубые глаза и сказал:

– С какой это радости вы так рассказали?

– Простите. Моя фамилия Подходцев, и я готов вам дать всяческое удовлетворение. Конечно, вы не виноваты: переходили себе спокойно улицу, а в это время мой дурак и налетел на вас безо всякого предупреждения. Я могу так и на суде показать.

– А вы думаете, должен быть суд? – с легким беспокойством спросил пострадавший, еще раз отплюнувшись кровавой слюной.

– Это от вас зависит.

К месту происшествия спокойно, с развальцем, подходил околоточный.

– В чем дело, господа? Прошу разойтись.

– Мне бы очень хотелось разойтись, но едва ли это удастся, – проворчал Подходцев. – Мой возница, благодаря моим же подстрекательствам, ехал быстрее, чем нужно, и наехал на этого господина, который, ничего не подозревая, переходил улицу.

– Этот господин говорит неправду, – возразил пострадавший, счищая пыль с локтей. – Они ехали, как следует, а я сам виноват: мне захотелось покончить жизнь самоубийством, я и бросился под лошадь.

Околоточный немного растерялся от такого оборота дела.

– Как же вы это так, – укоризненно сказал он. – Разве можно так?

– Что?

– Да кончать жизнь самоубийством?..

– А что в ней хорошего, господин околоточный? Так, чепуха какая-то, а не жизнь. И вообще, ответьте мне на вопрос: к чему жизнь наша? Куда мы стремимся? В чем идеал?

– Вы не имеете права задавать таких вопросов при исполнении служебных обязанностей! – запальчиво сказал околоточный.

– Ну, вот видите! Если даже полиция не может ответить, в чем смысл жизни, то кто же может?

Околоточный пожал плечами, вынул книжку и сухо спросил:

– Вы имеете к седоку и извозчику какую-нибудь претензию?

– Никакой буквально.

– А вы? – обратился околоточный к Подходцеву.

– Я? К этому господину? Претензию? Да я его считаю самым очаровательным существом в мире!

– В таком случае, в чем же дело?!

– Ни в чем.

– Так расходитесь! Зачем скопляться?!

Околоточный сердито откашлялся и ушел, а Подходцев протянул пострадавшему руку и спросил с легким смущением:

– Не могу ли я быть чем-нибудь вам полезен?

– Шить умеете? – улыбнулся одними голубыми глазами пострадавший.

– Не умею.

– Значит, не можете быть полезны. У меня порядочная дыра на локте.

– У такого порядочного человека даже дыра на локте должна быть порядочная, – сказал Подходцев, но, считая этот комплимент недостаточной компенсацией за все, что произошло, добавил:

– Может быть, вам трудно идти – тогда я уступлю вам своего извозчика.

– Не могу ехать.

– Почему? Вам трудно сидеть?

– Да, трудно, когда не знаешь, чем заплатить извозчику.

Это было сказано с такой благородной простотой, что Подходцев почувствовал еще большую симпатию к молодому человеку.

– Как ваша фамилия? – осведомился он.

– Моя фамилия – Громов. А вашу я слышал: Подходцев.

Снова оба пожали друг другу руки, продолжая оживленную беседу на краю панели, возле извозчика, совсем погасшего после того, как его увлечение спортом было приостановлено столь резко и неожиданно.

– В таком случае разрешите мне отвезти вас домой.

– К кому домой? – подмигнул Громов.

– К вам, конечно.

– А вы знаете адрес?

– Чей?

– Мой.

– Я думаю, вы его знаете.

Громов усмехнулся.

– Даже под пыткой я не назову его. Первое: я только вчера вечером приехал в этот город.

Второе: у меня нет денег для квартиры. Третье: я, пожалуй, сам виноват в том, что попал под копыта лошади, – не спавший всю ночь и рассеянный.

– Хотите поехать ко мне? Мы вдвоем что-нибудь сочиним.

– Мне неудобно. Будто вы обязаны сделать для меня что-нибудь только потому, что ваш возница на меня наехал...

Подходцев протянул могучие руки, взял своего нового знакомого под мышки, усадил на извозчика и сказал:

– Пошел! Обрато на Новопроложенный.

Извозчик оживился.

– С пятаками?

– Ну тебя к дьяволу! Поезжай просто.

Извозчик снова погас, на этот раз уже окончательно и бесповоротно. Не загорелся он и тогда, когда они доехали и Подходцев, вынимая деньги, сказал:

– По таксе, плюс тридцать восемь перегнанных лошадей, с меня следует два рубля тридцать. Минус рубль за раздавленного, по уговору – остается рубль тридцать. Получай и постарайся переменить свое загадочное животное на обыкновенную человеческую лошадь.

Громов, с удивлением слушавший странные математические вычисления, при последних словах засмеялся, и таким образом эти два человека со смехом вошли в дом и со смехом стали оба жить в нем.

Глава 3. Дома

Квартира Подходцева состояла из двух комнат – одной огромной и одной микроскопической – похожая на большую жирафу, увенчанную маленькой головкой.

Обстановка была скудная, и Подходцев, обведя широким жестом комнату, поспешил объяснить гостю:

– То, что маленькое на четырех ножках, – ходит у меня под именем стульев. Большое, уже выросшее и сделавшее себе карьеру – называется у меня «стол». Впрочем, так как я иногда на столе сижу, а на стуле, лежа в кровати, обедаю, то я совершенно сбил с толку этих животных, и они ходят у меня под всякую упряжь.

– А почему у вас две кровати? – осведомился гость.

– Эта комната так велика, что мне иногда, когда я бываю по делам в южной ее стороне, трудно достигнуть северной стороны, в особенности, если хочется спать. Поэтому я поставил на каждой стороне по кровати. А в общем – черт его знает, зачем я поставил две кровати.

Хозяин опустил на одну из кроватей и погрузился в задумчивость.

– Действительно, зачем я поставил другую кровать? Недоумеваю. Вы есть хотите?

– То есть как?

– Да так: рыбу, мясо, хлеб. Вино вот тоже некоторые пьют.

– Да я, собственно, уже пообедал, – промямлил гость.

Но тут же врожденная искренность и простота его характера взяли перевес над требованиями хорошего тона. Он рассмеялся и сам перебил себя:

– С чего это мне вздумалось соврать? Ничего я не обедал и за котлету отдал бы столько собственного мяса, сколько она будет весить.

– Странные мы народы: я зачем-то поставил лишнюю кровать, вы корчите из себя великосветского денди, щелкая в то же время зубами от голода.

– Да, если откровенно сказать, то мне... действительно... неловко.

– А мне, думаете, ловко? Чуть не размазал по мостовой хорошего человека. Положим, и извозчик идиот порядочный.

– Послушайте, Подходцев... Скажите откровенно, что заставило вас не удрать от меня на своем извозчике, а остаться и расхлебывать всю эту историю до конца?

– Хотите, я вас удивлю?

– Ну?

– Я просто порядочный человек. А теперь скажите и вы: почему вам пришло в голову обелить нас с извозчиком, вместо того чтобы предать обоих в руки сборов?

– Хотите, теперь я вас удивлю?

– Вы тоже порядочный человек?

– Нет! Я просто хитрый человек. Я просто поступаю по рецепту одного умного художника. Однажды к нему пришел судебный пристав описывать за долги его имущество. И что же! Вместо того чтобы отнестись к этому неприятному гостю с омерзением, повернуться к нему спиной, мой художник принял его по-братски, угостил завтраком, откупорил бутылочку вина и так сдружился с этим тигром в образе человека, что тот ему сделал всяческие послабления: что-то рассрочил, чего-то не тронул, о чем-то предупредил. По-моему, этот художник был не добрый, а хитрый человек.

– Мне ваш художник нравится. Действительно, если бы вы ввергли нас с извозчиком в темницу – все бы на этом проиграли, а вы ничего не выиграли. Тогда как теперь...

– Тогда как теперь я заключил такое, хи-хи, милое знакомство...

– Ах, как можно говорить такие вещи молодым девушкам, – смутился Подходцев.

И, чтобы скрыть свое смущение, засуетился: вынул из шкапика коробку сардин, блюдо с холодными котлетами, сыр, хлеб и бутылку красного вина; быстро и ловко постлал скатерть и разложил приборы.

Гость сверкающими глазами следил за всем, что появлялось на столе. В ответ на пригласительный жест хозяина пододвинул к столу стул и сказал:

– Завтра же опять пойду на ту самую улицу...

– Зачем?

– Может быть, опять какое-нибудь животное наедет. Если всякая такая катастрофа несет за собой пир Валтасара...

– О, – засмеялся Подходцев, – мы постараемся найти для вас другую профессию, менее головоломную...

Громов поддел на вилку сардинку, понес ее ко рту и вдруг на полдороге застыл, выпучив глаза...

– Что с вами?..

– Ах я, идиотина!

– А, знаете, ей-Богу, не заметно!

– Ах, бревно я! Ведь вы очень спешили, когда на меня наехали?

– Очень. Я, видите ли, обещал извозчику по пятаку за каждую лошадь, которую мы обго...

– В том-то и дело!! Ведь вы спешили?

– Ну?

– И не доехали!

– Не доехал, – машинально повторил Подходцев.

– А если спешили, значит, по очень важному делу, а я вас запутал, а благодаря мне вы не попали в это место...

– А ведь в самом деле, я и забыл...

– Что ж теперь будет?! Может быть, вы еще успеете?

– Кой черт! Эта собака уже ушла из дому.

– Никогда не прощу себе этого... Дело спешное?

– Очень. Нужно было перехватить у Харченки пятьдесят рублей для квартиры и прочего. Ну, да черт с ним, выкручусь!

– Как же вы выкрутитесь?

– У меня светлая голова на этот счет. Да вот слышите? Кто-то бежит по лестнице... В этом этаже больше никого нет, значит – ко мне; спешит – значит, я ему нужен. А раз я ему нужен, он должен ссудить меня пятьюдесятью рублями. Я так прямо и скажу ему...

Дверь с треском распахнулась, и странный гость влетел в комнату, до того странный, что оба – и Подходцев, и Громов – инстинктивно поднялись со своих мест и придвинулись ближе друг к другу...

Это был молодой человек довольно грузного вида, с черными, коротко остриженными волосами и лицом в обыкновенное время смуглым, но теперь таким бледным, что черные блестящие глаза казались на фоне этого лица двумя маслинами в куске сливочного масла.

Но не это поразило двух новых приятелей. Поразил их костюм незнакомца... На ногах его, лишенных брюк, красовалось голубенькое щегольское трико, жилет отсутствовал совсем, а пиджак чудесным образом переместился с плеч владельца на одну из его рук, которая ходила ходуном от ужаса.

Отсутствие воротничка и галстука даже в слабой степени не могла заменить большая японская ваза, которую незнакомец держал в другой руке с явно выраженной целью самозащиты...

Увидев двух молодых людей, окаменевших от удивления, новоприбывший, задыхаясь, опустился на кровать и прохрипел:

– Затворите дверь! На ключ.

Подходцев поспешил исполнить его желание, потом уселся верхом на стул, впери свой спокойный взор в нового гостя и любезно сказал:

– Не хотите ли чего-нибудь закусить?

– Спасибо... Я уже тово... ел. Нельзя ли полстакана вина?

– Пожалуйста... Эта ваза вас, кажется, стесняет? Поставьте ее сюда. Ну, как вам нравится моя квартирка?

– Ничего, – пробормотал незнакомец, колотясь зубами о край стакана. – Нич... чего себе... У... уд... добна.

– Да, знаете. Теперь хорошую квартиру так трудно найти, – любезно заметил Подходцев, изнемогавший от приступа деликатности и упорно не замечавший более чем легкого костюма нового гостя.

– Вам не дует из окна? – участливо спросил Громов.

– Н... ничего. Я немного посижу и пойду себе... домой.

– Ну, куда вам спешить, – радушно воскликнул Подходцев. – Только что пришли и сейчас же уходить. Посидите!

– Я к вам зашел совершенно случайно...

– Помилуйте! Мы очень польщены... Позвольте, я вам помогу надеть пиджак на руки.

И едва новоприбывший надел с помощью Подходцева пиджак, как половина самообладания (вероятно верхняя, если расчленить самообладание по частям костюма) вернулась к нему.

– А мы ведь не знакомы, – сказал он.

Встал и расшаркался.

Глава 4. Легкомысленный Клинков

– Позвольте представиться: Клинков.

– Ага! А мы – Подходцев и Громов.

Гость снова опустил на кровать и тоскливо прошептал:

– Вас, вероятно, очень удивляет мой костюм.

– Ничего подобного! – горячо воскликнул мягкосердечный Громов. – Это даже красиво.

Голубой цвет вам удивительно к лицу.

Клинков вдруг вскочил и с ужасом в глазах стал прислушиваться.

– Он, кажется, идет?!

– Кто, кто?

– Муж. Вы понимаете, он меня застал... Хотел, кажется, стрелять, я насилу убежал...

– Если что меня и удивляет, – заметил Подходцев с самым проницаемым видом, – так это японская ваза.

– О! Я схватил первое, что попало под руку. Я разбил бы ее об его голову, если бы он напал на меня. Я пробежал так три этажа, а он, кажется, гнался за мной... И если бы не подвернулась ваша квартира...

– Кстати! – хлопнул себя по лбу Подходцев. – У вас есть пятьдесят рублей?

– Нет... Двадцать есть. И еще мелочь.

– Мало, – призадумался Подходцев. – Не обернусь. Мне пятьдесят нужно.

– А вы продайте эту вазу, – подмигнул Клинков, очевидно совсем успокоившийся. – Ваза, кажется, не дешевая.

– Удобно ли? Ваза принадлежит любимой женщине...

– Пустяки! Ведь не буду же я возвращать им эту вазу: «Нате, мол, не ваша ли? По ошибке, вместо шляпы захватил...» Да кроме того, я у них оставил своих вещей рублей на пятьдесят.

– Может быть, сходить за ними?

– Боже вас сохрани! Вы его наведете только на след. Это животное размахивает револьвером, будто это простая лайковая перчатка...

– Однако послушайте... Вы покинули на произвол судьбы женщину, оставили ее во власти этого зверя...

– Женщину?! – воскликнул Клинков тоном превосходства. – Вы, очевидно, не знаете женщин вообще, а ее в особенности. Женщина, предоставленная сама себе, от десяти мужей отвернется безо всякого ущерба.

И закончил тоном записного профессионала:

– Нет, нашему брату куда труднее.

– А все-таки вазу лучше вернуть, – нерешительно промямлил Подходцев.

– Боже вас сохрани! Произошла страшная, но красивая в своем трагизме драма. И вдруг вы ее будете опошлять возвратом какой-то вазы. Ну до вазы ли человеку, у которого сейчас сердце разбито, который разочаровался в женщинах. Продайте ее антиквару, и конец. А пока что – вот вам мои двадцать рублей.

– Позвольте! Они вам самим понадобятся. Вы можете послать на квартиру за другим костюмом и сегодня выйти на улицу. Вы где живете?

– Ах, не спрашивайте, – простонал Клинков.

– Почему?

– Я снимал комнату у сестры того человека, который хотел в меня стрелять...

– Ну?

– И я не могу теперь к ней показаться...

– Вот глупости! Какое ей, в сущности, дело. Муж живет здесь, сестра его в другом месте... Вы просто ее жилец...

– Да, «просто жилец»! Если она узнает от брата, что я ей изменил, она...

Раздался такой взрыв смеха, что даже мрачный Клинков повеселел.

– Вам смешно, а мне, ей-Богу, пока некуда деваться...

В его тоне было столько добродушной беспомощности, что подходцевское сердце растаяло.

– Э, чего там, право. Не вешайте носа. Есть у меня две кровати и диван. Ум хорошо, два лучше, три совсем великолепно, а так как вазой оплачивается целый будущий месяц, то... не будем омрачать наших горизонтов! Вот вам. Клинков, одеяло, подсаживайтесь к столу, вы, Громов, выньте из-за окна две новых бутылочки, а я, господа, поднимаю этот стакан за людей, которые не вешают носа!

– За что же его вешать, – сказал Клинков, закутываясь в одеяло. – Это было бы жестоко. Мой нос, во всяком случае, этого не заслуживает.

Три стакана наполнились красной влагой, и эта влага была первым цементом, который так крепко спаял трех столь не похожих друг на друга людей.

Разные пути их вдруг причудливо скрестились, и эти три реки – одна тихая, меланхолическая (Громов), другая быстрая, прямая (Подходцев), а третья капризная, непостоянная (Клинков) – слились воедино и потекли отныне по одному руслу...

После третьего стакана было много хохота и возни (Подходцев в лицах представлял первое появление Клинкова), а после четвертого стакана Громов довольно искусно изобразил, как точильщик точит ножи, что навело Клинкова на мысль рассказать не совсем приличный анекдот.

И только ложась спать, все трое с некоторым удивлением отметили, что они как будто созданы друг для друга.

Вот так они и встретились – причудливо, неожиданно и не совсем обычно, с общепринятой точки зрения. Но такова и жизнь – причудливая, полная необычайностей и неожиданностей...

Глава 5. Издательское предприятие

Большая пустынная комната, только по окраинам обставленная кое-какой мебелью, дремлет в сумерках. На одной из кроватей еле виден силуэт крепко спящего человека. То, что он крепко спит, чувствуется по его ровному дыханию и неподвижной позе.

И если бы к нему наклониться ближе, можно было бы увидеть, что во сне он улыбается. Так спать может только человек с чистой совестью.

Это Подходцев.

Его неразлучные товарищи по комнате в совместной жизни – Клинков и Громов – должны быть недалеко, потому что эта троица почти никогда не расстается...

Действительно, не успели еще сумерки сгуститься в темный весенний вечер, как на лестнице раздалось два голоса – бархатный баритон Клинкова и звенящий тенор Громова:

– А я тебе говорю, что эта девушка все время смотрела на меня!

– Это ничего не доказывает! В паноптикумах публика больше всего рассматривает не красавицу Клеопатру со змеей, а душительницу детей Марианну Скублинскую!

Не найдя на это ответа, грузный Клинков сердито запыхтел и первым вошел в общую комнату, захлопнув дверь перед самым носом Громова.

– Пусти! – прозвенел Громов, налетая плечом на дверь.

– Проси прощенья, – прогудел голос Клинкова изнутри.

– Ну ладно. Прости, что я тебя назвал идиотом.

– Постой, да ведь ты меня не называл идиотом?

– Я подумал, но это все равно. Пусти! Если не пустишь, встану завтра пораньше и зашью рукава в твоём пиджаке.

– Ну, иди, черт... С тебя станется.

Громов вошел, и тут же оба издали удивленное восклицание:

– Чего это он тут набросал на полу?

– Какие-то бумажки. Может быть, старые письма его возлюбленных...

– Или счета от несчастного портного...

– Или повестки от мирового...

Клинков поднял одну скомканную бумажку, расправил ее и вскрикнул:

– Господи Иисусе! Да ведь это деньги. Пятирублевая бумажка.

– И вот!

– И вот! Я слепну! Я задыхаюсь!

– Да тут их десятки!

– Сотни!

– Зачем он их разбросал тут?

– Я догадываюсь: он хочет нас поразить.

– Знаешь, давай сделаем вид, что мы ничего не замечаем.

– Идет. Эй, Подходцев! Не стыдно ль спать, когда цвет русской интеллигенции бодрствует?! Вставай!

Подходцев проснулся, спустил ноги с кровати, поглядел на бумажки, на спокойные лица товарищей и до глубины души удивился их равнодушию.

– Вы только сейчас вошли?

– Уже минут пять. А что?

– Вы ничего не замечаете?

– Нет. А что?

– На полу-то...

– Что ж на полу... Бумажки какие-то набросаны. Зачем ты соришь, ей-Богу? Что за неряшливость?

– Да вы поглядите, что это за бумажки!! – прогремел Подходцев.

Клинков поднял одну бумажку и в ужасе бросил ее.

– Ой! Деньги! И на них кровь.

– Подходцев... Он умер сразу, или агония у него была мучительная?

– У кого?

– Кого ты убил и ограбил.

– Животное ты! Эти денежки чисты, как декабрьский снег!.. Оказывается, что три дня подряд я снился одной из моих теток... И снился «нехорошо», как она пишет. Думая, что я болен или заточен в тюрьму, она и прислала мне ни с того ни с сего четыреста рублей.

– Что за достойная женщина!

– Завтра же, – сказал Клинков, – я приснюсь своей тетке.

– Да уж... Если бы это от тебя зависело, ты извел бы бедную старуху своими появлениями.

– Что ж ты думаешь делать с этими деньгами?

– Не я, а мы. Деньги общие.

– Нет! – твердо сказал Клинков. – Для общих денег это слишком большая сумма!..

– Но ведь я получил их благодаря вам.

– Каким образом?

– Тетке снилось, что я нехорошо живу. Результат – деньги. Теперь: если я действительно нехорошо живу, то благодаря кому? Благодаря вам. Значит, мы заработали эти деньги все вместе.

– Убийственная логика.

– Верно, за нее убить мало.

Три друга собрали деньги, разгладили их, положили на середину стола и, усевшись вокруг, принялись их рассматривать чрезвычайно пристально.

– Большие деньги, – покачал головой Громов. – Если начать на них пить – можно получить белую горячку, если есть – ожирение сердца и подагру, если тратить на красавиц – общее расстройство организма.

– Следовательно, нужно сделать на них что-нибудь полезное.

– Можно открыть кроличий завод. Выгодное дело!

– Или купить имение с образцовым питомником.

– Или нанять целиком доходный дом и отдавать его под квартиры.

– А почему ты молчишь, Громов?

– Мне пришла в голову мысль, – застенчиво произнес Громов.

– И как же она себя чувствует в этом пустом помещении?

– Мысль такая: давайте, господа, издавать сатирический журнал.

– Я могу только издать удивленный крик, – признался Подходцев, действительно ошеломленный.

– Но ведь это идея, – вдруг расцвел Клинков. – Вы знаете, а может быть, и не знаете, что я довольно недурно рисую карикатуры. Громов пишет прозу и стихи.

– А что же я буду делать? – ревниво спросил Подходцев.

– Ты? Издательская и хозяйственная часть.

– Это будет чрезвычайно приятный журнал.

– И полезный в хозяйстве, – добавил Подходцев, кусая ус.

– Почему?

– Как средство от мух.

– Не понимаю.

– Мухи будут дохнуть от ваших рисунков и стихов.

– Берегись, Подходцев! Мы назовем свой журнал «Апельсин», и тогда ты действительно ничего в нем не поймешь.

– Постойте, постойте, – вскричал Громов, сжимая голову руками. – «Апельсин»... А, ей-Богу, это недурно. Звучно, запоминается и непретенциозно!

– По-моему, тоже, – хлопнул тяжелой рукой по столу Клинков. – Это хорошо: «Газетчик, дайте мне „Апельсин“!»

Громов вскочил, схватил с дивана подушку, приложил ее, как сумку, к своему боку и, приняв позу газетчика, ответил густым басом:

– «Апельсинов» уже нет – все распроданы.

– Что ж ты, дубина, не берешь их больше?

– Да я взял много, но сейчас же все расхватили. Поверите – с руками рвут.

– А ты мне не можешь где-нибудь достать старый номер?

– Трудновато. За рубль – пожалуй.

– Три дам, только достань.

– Слушаю-с, ваше сиятельство.

Эта наглядная интермедия произвела на колебавшегося Подходцева глубокое впечатление.

– Действительно, издавать журнал прелюбопытно. А книжные магазины тоже будут продавать?

– Конечно! – вскричал Клинков. И обратился к Громову: – Скажите, приказчик книжного магазина, у вас имеется «Апельсин»?

Громов зашел за стол, изображавший собою прилавок, и, изогнувшись, ответил:

– «Апельсин»? Сколько номеров прикажете?

– Десять. Хочу послать своей племяннице, брату, еще кое-кому.

– У нас осталось всего три штуки...

– О, добрый приказчик! Дайте мне десять номеров.

– Не могу, – сухо ответил Громов, – на вас не напасешься.

– О, многомилостивый торговец! Сжальтесь надо мной... Жена запретила мне являться домой без десяти номеров «Апельсина».

– Или берите три, или проваливайте.

Клинков упал на колени и, протягивая молитвенно руки, завопил:

– Я утоплюсь, если вы не дадите мне десяти номеров. О, спасите меня!..

И, встав с колен, отряхнул пыль с брюк, обернулся к Подходцеву и сказал другим, более спокойным тоном:

– Так будет в книжных магазинах.

– Значит, публика, по-вашему, заинтересуется им?

– Публика? – подхватил Клинков. – Я себе рисую такую картину...

Он снова упал перед Громовым на колени и, протягивая к нему руки, простонал:

– Марья Петровна! Я люблю вас, будьте моей.

– Хорошо, – пропищал Громов, кокетливо обмахиваясь подушкой.

– Мы будем так счастливы... Будем по вечерам читать «Апельсин».

– А что такое «Апельсин»? – снова пропищал Громов, скорчив бессмысленную физиономию.

– А-а! – свирепо зарычал Клинков. – Вы, Марья Петровна, не знаете что такое «Апельсин»?! В таком случае – черт с вами! Отказываюсь от вас! Навсегда!

– Ах, – вскрикнула «Марья Петровна» и в обмороке упала Подходцеву на руки.

Такая блестящая иллюстрация успеха и значения журнала рассеяла последние колебания Подходцева.

– А денег у нас хватит? – спросил этот деловой малый.

– Конечно! Полтораста – за бумагу, столько же – типографии, пятьдесят – на клише и остальное на мелкие расходы. Первый же номер даст рублей двести прибыли.

– Evviva, «Apelsino»! – вскричал Клинков. – Господин издатель! Дайте сотруднику десять рублей аванса.

Подходцев развалился на стуле и снисходительно поглядел на Клинкова:

– Ох, уж эти мне сотрудники. Все бы им только авансы да авансы. Ну, нате, возьмите. Только чтобы это было последний раз. И, пожалуйста, не запоздайте с материалом.

Клинков сунул деньги в карман и шаркнул ногой:

– Заведующий художественной частью журнала «Апельсин» приглашает редактора и издателя в ближайший ресторан откусать хлеба-соли, заложив этим, как говорится, фундамент.

Поднимаясь в три часа ночи по лестнице, редакция журнала «Апельсин» делала не совсем уверенные шаги и хором пела следующую, не совсем складную песню:

Мать и брат, отец и сын,
Все читают «Апельсин».
Нищий, дворник, кардинал —
Все читают наш журнал.

А Громов добавлял соло:

Кто же не читает,
Тот —
Идиот,
В «Апельсинах» ничего не понимает!

Глава 6. Деловые люди

Подходцев с утра до вечера носился по типографиям, продавцам бумаги и цинкографиям...

А ночью ему не было покоя.

Будил его заработавшийся за столом Громов:

– Слушай, Подходцев... Ты извини, что я тебя разбудил... Ничего?

– Да уж черт с тобой... Все равно проснулся. Что надо?

– Скажи, хорошая рифма – «водосточная» и «уполномоченная».

– Нет, – призадумавшись, отвечал Подходцев. – Поставь что угодно, но другое: восточная, неурочная, молочная, сочная, потолочная...

– Спасибо, милый. Теперь спи.

Будил и Клинков.

– Подходцев, проснись.

– Что тебе надо?!

– Сними на минутку рубашку.

– Что ты – сечь меня хочешь? – стонал уставший за день Подходцев.

– Нет, мне нужно зарисовать двуглавый мускул. У меня тут в карикатуре борец участвует.

– Попроси Громова.

– Ну, нашел тоже руку... У него кочерга, а не рука...

– О, чтоб вас черти... Ну, на, рисуй скорей.

– Согни руку так... Спасибо, дружище. А может, ты бы встал и надел ботинки?... У тебя такие красивые. Я рисую светскую сценку, и одна нога у меня какая-то вымученная.

– О, чтоб вы...

А с другой стороны доносился заискивающий голос Громова:

– Подходушка, можно выразиться: «ее розовые губки усмехнулись»?

– Можно! Выражайся. Если вы меня еще раз разбудите – я тоже выражусь!..

Работа кипела.

В одной из комнат типографии лежал правильными пачками свежий, только что вышедший номер «Апельсина».

Это был великий день для трех товарищей. Десятки раз они хватались за номер, перелистывали его, даже внюхивались в запах типографской краски:

– А, ей-Богу, хорошо пахнет. По-моему, прекрасный номер. И рисунки хлесткие, и текст. Хе-хе...

Первый газетчик, который явился за десятком номеров, вызвал самые бурные овации трех друзей.

– Газетчик. Здравствуйте, дружище! У вас давно такое симпатичное лицо?

– А глаза! Прекрасные серые глаза.

– А голос! Если таким голосом сказать покупателю: «Вот, купите этот прекрасный журнал под названием „Апельсин“, – то всякий разорится, а купит!

– Вы, газетчик, держите его на виду. Он оранжевый, и этот цвет даст такие чудесные рефлексы на вашем лице, что вы покажетесь вдвое красивее...

Распропагандировав таким образом несколько газетчиков, вся редакция высыпала на улицу и отправилась бродить по самым людным местам.

У всех трех в руках красовались номера «Апельсина»... Подходцев шел впереди, делал вид, что читает журнал, и время от времени раздражался громким демонстративным смехом.

– Ну и чудачки же! Господи, до чего это смешно.

А Клинков и Громов, шагая сзади и стараясь запутаться в толпу гуляющих, беседовали громче, пожалуй, чем нужно:

– Это новый номер «Апельсина»?

– Да.

– Скажите, это хороший журнал?

– О, прекрасный! Его так расхватывают, что к вечеру, пожалуй, ни одного номера не будет...

– Что вы говорите! Это безумие! Сейчас же побегу, куплю.

– О-ой, – надрывался впереди Подходцев. – Ой, уморили! Ну и юмористы же!

На него поглядывали с некоторым удивлением.

– Читали? – интимно подмигнул он какому-то солидному господину в золотых очках.

– Нет, не читал.

– Напрасно. Такое тупое лицо от чтения хоть немного бы прояснилось.

– Виноват...

– Бог подаст! Я на улице не занимаюсь благотворительностью.

– Как вы смеете?!

Но Подходцев был уже далеко, догоняя ушедших вперед Громова и Клинка и крича им во все горло:

– Читали новый журнал? Замечательный!

– Как же, как же! Говорят, на Казачьей улице одного газетчика убили и ограбили у него все номера «Апельсина». В некоторых местах уже по рублю продают! В книжных магазинах уже нет!

– Да, – тихо прошептал Подходцев... – Еще бы! В книжных магазинах нет, потому что эти свиньи не берут. Нам, говорят, журналы не интересны.

– Не берут, – еще тише прошептал Клинков. – А мы их заставим!

И скоро стройная организация пошла в обход по всем магазинам.

Первым входил Клинков.

– Есть у вас журнал «Апельсин»?

– Нет, не держим.

– А селедки у вас есть?

– Что-о?

– Да ясно: раз в книжном и журнальном магазине нет журналов – этот магазин, по логике, должен торговать селедками.

Постепенно он разгорячился.

– Как не стыдно, право! Весь город только и говорит, что о журнале, а они, изволите видеть, не держат! А мыло, свечи, гвозди – есть у вас?! Тьфу!

И уходил, хлопнув дверью и вызвав великий восторг и сенсацию среди скучающих покупателей...

Через пять минут входил Громов:

– Есть... «Апельсин»? – спрашивал он умирающим голосом. – С утра хожу, ищу.

– Нет, извините...

Пошатнувшись, он издавал глухой стон и падал на стойку в глубоком обмороке... Его отпаивали водой, утешали, как могли, обещали, что завтра журнал у них будет, и Громов уходил, предварительно взяв клятву, что его не обманут – усталого доверчивого бедняка...

Через пять минут после него являлся Подходцев.

– Имею честь представиться: управляющий главной конторой журнала «Апельсин»... Хотя вы и отвергли наше телефонное предложение...

– Собственно, мы... гм! Не знали журнала... Теперь, ознакомившись... Вы нам пока десяточка три-четыре пришлите...

Около последнего из намеченных магазинов собрались все трое. Решили устроить самую внушительную демонстрацию, потому что магазин был большой и публики в нем всегда толклось много.

Все трое вошли плечо к плечу, все трое хором спросили: «Есть ли у вас “Апельсин”?», и все трое, услышав отрицательный ответ, в беспамятстве повалились на прилавок.

Впечатление было потрясающее.

Глава 7. Конец предприятия

На следующее утро приступили к составлению второго номера.

Подходцев позировал Клинкову для спины Зевса-громовержца, а Громов тщетно подбирал рифму к слову «барышня».

– Поставь вместо барышни – девушку, – участливо посоветовал Подходцев.

– А на девушку, думаешь, есть рифма, – пробормотал Громов и вдруг задрожал: в открытых по случаю духоты дверях стоял околоточный.

– Вы не туда попали, – нерешительно заметил Громов.

– Здесь живет Громов?

– В таком случае вы туда попали. Подходцев! Ведь мы вчера не были пьяны? И не скандалили?

– Нет!

– Так чем же объяснить появление этого вестника горя и слез?

Все трое встали, сдвинулись ближе.

– Вот вам тут бумага из управления. По распоряжению г. управляющего губернией издание сатирического журнала «Апельсин» за его вредное антиправительственное направление – прекращается.

Трое пошатнулись и, не сговариваясь, как по команде упали на пол в глубоком обморочном состоянии.

Это была наглядная аллегория падения всего предприятия, так хорошо налаженного.

Околоточный пожал плечами, положил роковую бумагу на пол и, ступая на носках, вышел из комнаты.

– Почему ты, Клинков, – переворачиваясь на живот, с упреком сказал Подходцев, – не предупредил меня, что мы живем в России?

– Совсем у меня это из головы вон.

– Ну, что ж... Теперь, если приснюсь тетке – буду умнее.

Громов несмело сказал:

– Что ж, господа... Если праздновали рождение – отпразднуем и смерть «Апельсина»...

В этот день пили больше, чем обыкновенно.

Глава 8.

Первый праздник, встреченный по-христиански

Все проснулись на своих узких постелях по очереди... Сначала толстый Клинков, на нос которого упал горячий луч солнца, раскрыл рот и чихнул так громко, что гитара на стене загнула в тон и гудела до тех пор, пока спавший под ней Подходцев не раскрыл заспанных глаз.

– Кой черт играете по утрам на гитаре? – спросил он недовольно.

Его голос разбудил спавшего на диване третьего сонливца – Громова.

– Что это за разговоры, черт возьми, – закричал он. – Дадите вы мне спать или нет?

– Это Подходцев, – сказал Клинков. – Все время тут разговаривает.

– Да что ему надо?

– Он уверяет, что ты недалекий человек.

– Верно, – пробурчал Громов, – настолько я недалек, что могу запустить в него ботинком.

Так он и поступил.

– А ты и поверил? – вскричал Подходцев, прячась под одеяло. – Это Клинков о тебе такого мнения, а не я.

– Для Клинкова есть другой ботинок, – возразил Громов. – Получай, Клинище!

– А теперь, когда ты уже расшвырял ботинки, я скажу тебе правду: ты не недалекий человек, а просто кретин.

– Нет, это не я кретин, а ты, – сказал Громов, не подкрепляя, однако, своего мнения никакими доказательствами...

– Однако вы тонко изучили друг друга, – хрипло рассмеялся толстяк Клинков, который всегда стремился сравнить двух друзей и потом любовался издали на их препирательства. – Оба кретины. У людей знакомые бывают на крестинах, а у нас на крестинах. Хо-хо! Подходцев, если у тебя есть карандаш, – запиши этот каламбур. За него в том журнале, где я сотрудничаю, кое-что дадут.

– По тумачу за строчку – самый приличный гонорар. Чего это колокола так раззвонились? Пожар, что ли?

– Грязное невежество: не пожар, а Страстная суббота. Завтра, милые мои, Светлое Христово Воскресенье. Конечно, вам все равно, потому что души ваши давно запродааны дьяволу, а моей душеньке тоскливо и грустно, ибо я принужден проводить эти светлые дни с отбросами каторги. О, мама, мама! Далеко ты сейчас со своими куличами, крашеными яйцами и жареным барашком. Бедная женщина!

– Действительно, бедная, – вздохнул Подходцев. – Ей не повезло в детях.

– А что, миленькие: хорошая вещь – детство. Помню я, как меня наряжали в голубую рубашечку, бархатные панталоны и вели к Плащанице. Постился, говел... Потом ходили святить куличи. Удивительное чувство, когда священник впервые скажет: «Христос Воскресе!»

– Не расстраивай меня, – простонал Громов, – а то я заплачу.

– Разве вы люди? Вы свиньи. Живем мы, как черт знает что, а вам и горюшка мало. В вас нет стремления к лучшей жизни, к чистой, уютной обстановке, – нет в вас этого. Когда я жил у мамы, помню чистые скатерти, серебро на столе.

– Ну, если ты там вертелся близко, то на другой день суп и жаркое ели ломбардными квитанциями.

– Врете, я чистый, порядочный юноша. А что, господа, давайте устроим Пасху, как у людей. С куличами, с накрытым столом и со всей вообще празднично-буржуазной, уютной обстановкой.

– У нас из буржуазной обстановки есть всего одна вилка. Много ли в ней уюта?

– Ничего, главное – стол. Покрасим яйца, испечем куличи...

- А ты умеешь?
- По книжке можно. У нас две ножки шкафа подперты толстой поваренной книгой.
- Здорово удумано, – крикнул Подходцев. – В конце концов, что мы не такие люди, как все, что ли?
- Даже гораздо лучше.

Луч солнца освещал следующую картину: Подходцев и Громов сидели на полу у небольшой кадочки, в которую было насыпано муки чуть не доверху, и ожесточенно спорили.

Сбоку стояла корзина с яйцами, лежал кусок масла, ваниль и какие-то таинственные пакетики.

– Как твоя бедная голова выдерживает такие мозги, – кричал Громов, потрясая поваренной книгой. – Откуда ты взял, что ваниль распустится в воде, когда она – растение.

– Сам ты растение дубовой породы. Ваниль не растение, а препарат.

– Препарат чего?

– Препарат ванили.

– Так... Ваниль – препарат ванили. Подходцев – препарат Подходцева. Голова твоя препарат телячьей головы...

– Нет, ты не кричи, а объясни мне вот что: почему я должен сначала «взять лучше крупитчатой муки 3 фунта, развести 4-мя стаканами кипяченого молока», проделать с этими 3-мя фунтами тысячу разных вещей, а потом, по словам самоучителя, «когда тесто поднимется, добавить еще полтора фунта муки»? Почему не сразу 4 1/2 фунта?

– Раз сказано, значит, так надо.

– Извини, пожалуйста, если ты так глуп, что принимаешь всякую печатную болтовню на веру, то я не таков! Я оставляю за собой право критики.

– Да что ты, кухарка, что ли?

– Я не кухарка, но логически мыслить могу. Затем – что значит: «30 желтков, растертых добела»? Желток есть желток, и его, в крайнем случае, можно растереть дожелта.

Громов подумал и потом высказал робкое, нерешительное предположение:

– Может, тут ошибка? Не «растертые» добела, а «раскаленные» добела?

– Знаешь, ты, по-моему, выше Юлия Цезаря по своему положению. Того убил Брут, а тебя сам Бог убил. Ты должен отойти куда-нибудь в уголок и там гордиться. Раскаленные желтки! А почему тут сказано о «растопленном, но остывшем сливочном масле»? Где смысл, где логика? Понимать ли это в том смысле, что оно жидкое, нехолодное, или что оно должно затвердеть? Тогда зачем его растапливать? Боже, Боже, как это все странно!

Дверь скрипнула в тот самый момент, когда Громов, раздраженный туманностью поваренной книги, вырвал из нее лист «о куличах» и бросил его в кадочку с мукой.

– На! Теперь это все перемешай!

...Дверь скрипнула, и на пороге появился смущенный Клинков. Не входя в комнату и пытаясь заслонить своей широкой фигурой что-то, прятывшееся сзади него и увенчанное красными перьями, – он разочарованно пролепетал:

– Как... вы уже вернулись? А я думал, что вы еще часок прошатаетесь по рынку.

– А что? Да входи... Чего ты боишься?

– Да уж лучше я не войду...

– Да почему же?

За спиной Клинкова раздался смех, и красные перья закачались.

– Вот видишь, – сказал женский голос. – Я тебе говорила – не надо. Такой день нынче, а ты пристал – пойдем да пойдем!.. Ей-Богу, бесстыдник.

– Клинков, Клинков, – укоризненно воскликнул Подходцев. – Когда же ты наконец перестанешь распутничать? Сам же затеял это пасхальное торжество и сам же среди бела дня производишь жрицу свободной любви...

– Нашли жрицу, – сказала женщина, входя в комнату и осматриваясь. – Со вчерашнего дня жрать было нечего.

– Bravo! – закричал Клинков, желая рассеять общее недовольство. – Она тоже каламбурит!! Подходцев, запиши – продадим.

– У человека нет ничего святого, – сурово сказал Громов. – Сударыня, нечего делать, присядьте, отдохните, если вы никуда не спешите.

– Господи! Куда же мне спешить, – улыбнулась эта легкомысленная девица. – Куда, спрашивается, спешить, если меня хозяйка вчера совсем из квартиры выставила?

– Весна – сезон выставок, – сострил Клинков, снимая пальто. – Подходцев, запиши. Я разорю этим лучшую редакцию столицы. Ах, как мне жаль, Маруся, что я не могу оказать вам того гостеприимства, на которое вы рассчитывали.

– Уйдите вы, – сердито сказала Маруся, нерешительно присаживаясь на кровать. – Ни на что я не рассчитывала. Отдохну и пойду.

Взгляд ее упал на кадочку с мукой, и она широко раскрыла глаза.

– Ой! Это что вы, господа, делаете?

– Куличи, – серьезно ответил Громов, поднимая измазанное мукой лицо. – Только у нас, знаете ли, не ладится...

– Видишь ли, Маруся, – важно заявил Клинков. – Мы решили отпраздновать праздник святой Пасхи по-настоящему. Мы – буржуи!

Маруся встала, осмотрела кадочку и сказала чрезвычайно озабоченно:

– Эх, вы! Кто ж так куличи делает. Высыпайте обратно муку. Хотите, я вам замешу?

Громов удивился.

– Да разве вы умеете?

– Вот тебе раз! Да как же не уметь!

– Уважаемая, достойная Маруся, – обрадовался совершенно измученный загадочностью поварской книги Подходцев. – Вы нас чрезвычайно обяжете...

Увидев такой оборот дела, сконфуженный сначала Клинков принял теперь очень нахальный вид. Заложил руки в карманы и процедил сквозь зубы:

– Теперь вы, господа, понимаете, для чего я ее привел?

– Лучше молчи, пока я тебя не ударил по голове этой лопаткой. По распущенности ты превзошел Гелиога-бала!

– Да, пожалуй... – подтвердил самодовольно Клинков. – Во мне сидит римлянин времен упадка.

– Нечего сказать, хорошенькое помещение он себе выбрал. Разведи-ка в этой баночке краску для яиц.

Римлянин времен упадка покорно взял пакетики с краской и отошел в угол, а Подходцев и Громов, предоставив гостю все куличные припасы, стали суетиться около стола.

– Накроем пока стол. Скатерть чистая есть?

– Вот есть... Какая-то черная. Только на ней, к сожалению, маленькое белое пятно.

– Милый мой, ты смотришь на эту вещь негативно. Это белая скатерть, но сплошь залитая чернилами, кроме этого белого места. И, конечно, залил ее Клинков. Он всюду постарается.

– Да уж, – отозвался из угла Клинков, поймавший только последнюю фразу. – Я всегда стараюсь. Я старательный. А вы всегда на меня кричите. Вон Марусю привел. Маруся, поцелуй меня.

– Уйди, уйди, не лезь. Заберите его от меня, или я его вымажу тестом.

Вдруг Подходцев застонал.

– Эх, черррт! Сломался!

– Что?

– Ключ от сардинок. Я попробовал открыть.

– Значит, пропала коробка, – ахнул Громов. – Теперь уж ничего не сделаешь. Помнишь, у нас тоже этак сломался ключ... Мы пробовали открыть ногтями, потом стучали по коробке каблуками, бросали на пол, думая, что она разобьется. Исковеркали – так и пропала коробка...

– И глупо, – отозвался Клинков. – Я тогда же предлагал подложить ее на рельсы, под колесо трамвая. В этих случаях самое верное – трамвай.

– Давайте, я открою, – сказала озабоченная Маруся, отрываясь от места.

– Видите, какая она у меня умница, – вскричал Клинков. – Я знал, что с сардинами что-нибудь случится, и привел ее.

– Отстань! Подходцев, режь колбасу. Знаешь, можно ее этаким звездочкой разложить. Красиво!

– Ножа нет, – сказал Подходцев.

– Можно без ножа, – посоветовал Клинков. – Взять просто откусить кусок и выплюнуть, откусить и выплюнуть, откусить и выплюнуть. Так и нарежем.

– Ничего другого не остается. Кто же этим займется?

Клинков категорически заявил:

– Конечно, я.

– Почему же ты, – поморщился Подходцев. – Уж лучше я.

– Или я!

– Неужели у вас нет ножа? – удивилась Маруся.

Подходцев задумчиво покачал головой.

– Был прекрасный нож. Но пришел этот мошенник Харченко и взял его якобы для того, чтобы убить свою любовницу, которая ему изменила. Любовницы не убил, а просто заморозил ножик.

– И штопор был; и штопора нет.

– Где же он?

– Неужели ты не знаешь? Клинков погубил штопор; ему, после обильных возлияний, пришла на улице в голову мысль: откупорить земной шар.

– Вот свинья-то. Как же он это сделал?

– Вынул штопор и стал ввинчивать в деревянную тротуарную тумбу. Это, говорит, пробка, и я, говорит, откупорю земной шар.

– Неужели я это сделал? – с сомнением спросил Клинков.

– Конечно. На прошлой неделе. Уж я не говорю о рюмках – все перебиты. И перебил Клинков.

– Все я да я... Впрочем, братцы, обо мне не думайте: я буду пить из чернильницы.

– Нет, чернильница моя, – ты можешь взять себе пепельницу. Или сделай из бумаги трубочку.

Маруся с изумлением слушала эти странные разговоры; потом вытерла руки о фартук, сооруженный из наволочки, и, взяв карандаш и бумагу, молча стала писать...

– Каламбур записываешь? – спросил Клинков.

– Я записала тут, что купить надо. Вилки, ножей, штопор, рюмки и тарелки. Покупайте посуду, где брак, – там дешевле... Всего рубля на четыре выйдет.

– Дай денег, – обратился Клинков к Подходцеву.

– Что ты, милый? Я последние за муку отдал.

– Ну, ты дай.

– Я тоже все истратил. Да ведь у тебя должны быть?

Клинков смущенно приблизил бумагу к глазам и сказал:

– Едва ли по этой записке отпустят.

– Почему?

– Тарелка через «ять» написана. Потом «перец» через «и». Такого перца ни в одной лавке не найдешь.

– Клинков! – сурово сказал Подходцев. – Ты что-то подозрительно завертелся! Куда ты дел деньги, а?

– Никуда. Вон они. Видишь – пять рублей.

– Так за чем же остановка?

– Видите ли, – смутился Клинков, – я думаю, что эти деньги... я... должен... отдать...

Марусе...

– Мне? – искренно удивилась Маруся. – За что?

– Ну... ты понимаешь... по справедливости... я же тебя привел... оторвал от дела...

– И верно! – сухо сказал Подходцев. – Отдай ей.

Маруся вдруг засуетилась, сняла с себя фартук, одернула засученные рукава, схватила шляпу и стала надевать ее дрожащими руками.

– До свиданья... я пойду... я не думала, что вы так... А вы... Скверно! Стыдно вам.

– Подходцев дурак и Клинков дурак, – решительно заявил Громов. – Маруся! Мы вас просим остаться. Деньги эти, конечно, пойдут на покупку ножей и прочих тарелок, и я надеюсь, что мы вместе разоведемся, мы с вами куличом, а эти два осла – сеном.

– Ура! – вскричал Клинков. – Дай я тебя поцелую.

– Отстаньте... – улыбнулась сквозь слезы огорченная гостья. – Вы лучше мне покажите, где печь куличи-то.

– О, моя путеводная звезда! Конечно, у хозяйки! У нее этакая печь есть, в которой даже нас, трех отроков, можно изжарить. Мэджи! Вашу руку, достойнейшая, – я вас провожу к хозяйке.

Когда они вышли, Громов сказал задумчиво:

– В сущности, очень порядочная девушка.

– Да... А Клинков осел.

– Конечно. Это не мешает ему быть ослом. Как ты думаешь, она не нарушит ансамбля, если мы ее попросим освятить в церкви кулич и потом разговестся с нами?

– Почему же... Ведь ты сам же говорил, что она порядочная девушка.

– А Клинков осел. Верно?

– Клинков, конечно, осел. Смотреть на него противно.

А поздно ночью, когда все трое, язвя, по обыкновению, друг друга, валялись одетые в кроватях в ожидании свяченого кулича, – кулич пришел под бодрый звон колоколов – кулич, увенчанный розаном и несомый разругавшейся Марусей, «вторым розаном», как ее галантно назвал Клинков.

Друзья радостно вскочили и бросились к Марусе. Она степенно похристосовалась с торжественно настроенным Подходцевым и Громовым, а с Клиновым отказалась, – на том основании, что он не умеет целоваться как следует.

– Да, – хвастливо подмигнул распутный Клинков. – Мои поцелуи не для этого случая. Не для Пасхи-с! Хе-хе! Позвольте хоть ручку.

Желание его было исполнено не только Марусей, но и двумя товарищами, сунувшими ему под нос свои руки.

Этой шуткой торжественность минуты была немного нарушена, но когда уселись за стол и чокнулись вином из настоящих стаканов, заедая настоящим свяченым куличом, – снова праздничное настроение воцарилось в комнате, освещенной лучами рассвета.

– Какой шик! – воскликнул Клинков, ощупывая новенькую, накрахмаленную скатерть. – У нас совсем как в приличных буржуазных домах.

– Да... настоящая приличная чопорная семья на четыре персоны!

И все четверо серьезно кивнули головами, упустив из виду, что никогда приличная чопорная семья не допустит посадить за одним столом с собою безработную проститутку.

Глава 9. Нехороший Харченко

Это была очень печальная осень: мокрая, грязная и безденежная...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.